

А. В. Дука

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ¹

Первый вопрос, встающий перед исследователем элит, связан с тем, насколько термин «элиты» необходим и продуктивен в социологии или даже шире — в обществоведении.

Прежде всего, я остановлюсь на самом слове «элита». Часть словарей и энциклопедий начинают с историко-этимологического анализа и показывают, что слово происходит от латинского *eligere*, затем трансформировавшегося во французское слово *élite* — «лучшее, отборное, избранное». Во французском языке первоначальное написание было «*eslite*» (XII в.), и только с XVI столетия это слово приобрело современную форму. Употребление в современном значении зафиксировано с 1360 г. [1, р. 1529]. В средневековый английский язык (XIV в.) «*élite*» проникло из старо-французского и существовало как глагол в значении «отбирать» и «выбирать на должность» [2, р. 1879; 3, р. 142] и как существительное — «избранный» и «выбранный» [2; 3], «избрание» [3, р. 142]. Но уже к XIX столетию это слово считалось устаревшим. В современном значении оно фиксируется словарями в 1823 г. [2, р. 1879; 4, р. 876]. В немецком языке слово «элита» появилась в конце XVIII—начале XIX в. (*Goethezeit* — время Гёте, как указывает Брокгауз) [5, S. 58]. В самом начале своей классической книги «Элиты и общество» Том Боттомор приводит первоначальное употребление этого слова в XVII в. для обозначения товаров высшего качества, а затем, с XIX в. — для обозначения персон и групп, находящихся на вершине социальной иерархии [6, р. 7; также см.: 7, с. 402–403]. В русский язык слово «элита» вошло только в XX в.

Примечательны примеры словоупотребления, которые дают словари. Например, Ларусс: «Лучшая, выдающаяся (изысканная) элита парижского общества. Французский протестантизм был лучшим в Европе во всех отношениях. Жандармерия является лучшей (отборной) частью французских солдат. <...> Элитный, чрезвычайно изысканный, выдающийся, предпочтительный. Изысканный мужчина, изысканная женщина, порода. Соколы элитных пород замечательны своей

¹ Данный текст представляет собой доклад, прочитанный на юбилейной сессии Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН 26 октября 1999 г. В основе доклада — исследование, выполняемое в рамках проекта, финансируемого Фондом Дж. и К. Макаргузов (грант № 98–52243). Выражаю признательность В.А. Ачкасовой, И.Н. Барыгину, А.С. Быстровой, А.Б. Даугавет, А.В. Корниенко, К. Мэнике-Дендешу, Е.А. Орех, О.В. Хархордину за замечания и советы при подготовке окончательного варианта текста для публикации.

Дука Александр Владимирович (р. 1955) — кандидат политических наук, заместитель директора Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Адрес: 198052. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Тел.: (812) 112–67–04, факс: (812) 316–29–29.

E-mail: inso@ego.spb.su

храбростью, умом и мощью своего полета» [8, р. 364]. Французско-немецкий словарь: «Избранный, избранник; ядро; выбор, подбор; избранные души; отборные, лучшие товары; цвет дворянства; отборные войска» [9, S. 340].

В этом отношении термин «элита» и его этимология не только подчеркивает отдельность («отобранность», «избранность») элиты и одновременно указывает ее место в системе стратификации общества, противопоставляя эту социальную группу «неизбранным», «массе». Он также подводит к очевидной онтологической данности – «так есть», ибо трудно не согласиться с тем, что существует некто, кто лучше других и каким-то образом был в связи с этим отобран. Функция самоидентификации и идентификации в термине «элита» в значительной мере совпадают, и тем самым он выполняет и функцию легитимирующей номинации. Фридрих Ницше отмечал: «...сами "добрые", т.е. знатные, могучие, высокопоставленные и благородно мыслящие считали и выставляли себя самих и свои поступки как доброе, как нечто высшего сорта, в противоположность всему низкому, низменно мыслящему, пошлому и плебейскому. Из этого чувства *расстояния* они впервые извлекли себе право создавать ценности, чеканить названия ценностей» [10, с. 15]. Сила и власть языка подкрепляется авторитетом политической власти.

Здесь важно, что номинация создает социальные демаркации. Язык, дискурс, являясь средством объективации, выступает важным инструментом и аспектом идентификации и институционализации. Другими словами, употребляя определенный термин инструментально, мы вынуждены использовать его в том же смысле, что и другие люди, иначе невозможна эффективная коммуникация и взаимодействие. Так он становится общепринятым и то, что он означает – само собой разумеющимся, типичным для данного времени и места. Рутинизация употребления слова связывается с обычностью и естественностью обозначаемых им явлений. Одновременно происходит минимизация уровня неопределенности, в чем и заключается одна из важнейших функций любого института. В этом отношении лингвистическая объективация может быть представлена, кроме всего прочего, и как субинститут того института, на который она направлена.

Вместе с тем, понятно, что непосредственная номинация, произведенная здесь и сейчас, не создает институт. «Институты предполагают историчность <...>. Взаимные типизации действий постепенно создаются в ходе общей истории» [11, с. 92]. В этом смысле называние и самоназывание элитой властных групп современной России может и не предполагать наличия данной страты, но лишь указывать на интенции определенных социальных групп или, по крайней мере, на *начавшийся и не завершившийся процесс институционализации* [см., напр.: 12; 13; 14, с. 114; 15, с. 198]. Тем более, что большинство членов социальных групп, которые исследователи идентифицируют как элиты, не считают себя элитой [см., напр.: 14, с. 111; 16, с. 86; 17, с. 63–68; 18, с. 116; 19, р. 644].

Элита как институт

Что же должно институционализироваться? Другими словами, какой институт может или должен возникнуть? Или иначе – какая сфера социетальных отношений дестабилизировалась? Ибо любой институт – это прежде всего

специфический социальный «фиксатор». Карл Манхейм отмечал, что «элита в области политики и организации создает интеграцию многочисленных волевых импульсов» [20, с. 313]. Элита препятствует (во всяком случае, такова ее основная функция как института) дезинтеграции общества вследствие неконтролируемых действий различных социальных групп¹. Обычно такого рода деятельность связывается с осуществлением властных полномочий. С этим связана и основная характеристика противопоставления «элита – масса»: организованное меньшинство и неорганизованное большинство [см., напр.: 22, р. 30].

Здесь также имеет смысл обратиться к представлениям Ханса Герта и Чарльза Райта Миллса о социальной структуре [23].

Согласно их взглядам, общество организовано вокруг институциональных властных структур. Институт – «общественная форма определенной совокупности социальных ролей» [23, р. 23]. Роли институализированы и выполняются постольку, поскольку санкционированы той или иной властью. Каждый институт «стабилизирован лидером», обладающим правом контроля и наложением санкций на всех партнеров по институту, выполняющих ту или иную роль. Классификация институтов проводится в соответствии с основными целями их деятельности. Схожие по выполняемым функциям институты образуют «институциональный порядок». Комбинация институциональных порядков составляет социальную структуру. В современных государствах существует пять институциональных порядков: политический, экономический, военный, родственный (семейный), религиозный. Наибольшее значение имеют три из них: экономическое, военное и политическое сообщество. Каждый институциональный порядок стабилизируется своей властной структурой, заполняемой представителями высшей иерархии (или элиты).

В соответствии с этими представлениями Ч.Р. Миллс разработал свою концепцию властвующей элиты.

«Властвующая элита состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия. Принимают ли они эти решения или нет – это менее важно, чем самый факт владения такими ключевыми позициями; их уклонение от известных действий и решений само по себе является действием, зачастую влекущим за собой более важные последствия, чем решения, которые они принимают. Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества» [24, с. 24].

Для нас важно, что деятельность элиты не только может выполнять стабилизирующую функцию в отношении всего общества или его подсистем, но может и дестабилизировать его состояние².

Можно предположить, что в рамках своей стабилизирующей и дестабилизирующей функции элита институционально полагает пределы существования других институтов и индивидов, т.е. является институционализирующим инсти-

¹ См. также [21, с. 346–347].

² Ср.: «Более специфично мы определим элиту как те от 200 до 500 индивидов, большей частью проживающие в Джакарте, которые активно участвуют в принятии решений, приводящих к политическим кризисам или прекращающим их» [25, р. 108].

тутом¹. Но здесь она (или ее доминирующая часть) выступает скорее в форме политической институции, использующей правовые механизмы.

Институциональное определение пределов происходит в рамках следующих категорий.

а) **Во времени.** Прежде всего, это проблема физической смерти. Определение институционализированной и отчужденной смерти максимально осуществляется в политике. Власть над жизнью, возможность положить предел существованию – выражение мощи института и институции, освоения ею публичного и частного пространства. Второе – публичная смерть – признание индивида или группы более не существующими в публичном пространстве, лишение или существенное ограничение их прав.

б) **В пространстве.** Определение пределов своего и чужого. Это связано с функцией идентификации и демаркации – своя земля и сопредельные страны. Одновременно это структурирование и определение своей территории (например, административное деление, наименование населенных пунктов и географических объектов). Ландшафтные изменения (повороты рек и пр.).

в) **В социальном взаимодействии.** Разграничение своих и чужих, друзей и врагов. Враг может быть как внешним, так и внутренним. Для политической элиты эта функция оказывается ключевой [см.: 28].

г) **В состоянии.** В социальной сфере – это акты гражданского состояния. *Внутриполитически* – это обозначение социально-политических позиций и границ между ними. Современное государство фиксирует гражданские состояния не столь всеобъемлюще и жестко, как в сословном обществе, но не менее определенно. *Во внешней политике* – это право прекращать мир и объявлять войну.

Субъектом отчужденного институционального полагания является, прежде всего, государство². Поэтому контроль над этим главнейшим для элиты и контролиты институтом является основополагающим. Для внешнего же наблюдателя государственные органы и властвующая элита часто являются синонимами.

Когда мы говорим о стабилизирующей по отношению к обществу деятельности элит, мы фиксируем то, что можно было бы назвать объективным оправданием существования элит, т.е. то, что они должны были бы делать, если бы исходили из представлений об общественном благе. Но очевидно, что субъективные целеполагания членов элитных групп могут быть иными. Дуглас Норт в связи с этим отмечал: «Институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социальными эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [29, с. 33].

¹ О влиянии элит на воспроизводство и изменение существующих институтов см. [26, с. 8–9]. (Г. Г. Дилигенский в данном случае ссылается на английского социолога Н.П. Музелиса: Mouselis N. P. Back to Sociological Theory: The Construction of Social Orders. N. Y., 1991.) Ср.: «...главное качество власти – способность к конструированию отношений между людьми» [27, с. 205]. Но власть, взятая не как качество определенного субъекта, а онтологически, представляет собой абстракцию. Конкретизация власти, ее объективация в масштабах общества связана с властными элитами.

² Здесь представления К. Маркса, М. Вебера, О. Конта и Э. Дюркгейма, при всей несхожести посылок и методологических оснований, принципиально не расходятся.

Но это не означает, что возможен произвол. Существуют достаточно сильные институциональные ограничения деятельности элит. Более того, они институционально задают условия существования элит. Очень важен исторический и социальный фон: традиции, обычаи. Этот фон может быть назван «общеинституциональным фоном», «принципами институционального воспроизводства» или «базовыми институтами». Торстейн Веблен вполне справедливо утверждал, что «институты – это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» и далее, еще более радикально: «Существующие в наши дни институты – принятая в настоящее время система общественной жизни – не совсем подходят к сегодняшней ситуации» [30, с. 202].

Наряду с естественным запаздыванием развития институтов по сравнению с «требованием времени» возможен и так называемый «хреодный эффект»¹ (от греческого *chre* – предопределенный, обреченный и *odos* – путь), связанный с развитием по неоптимальному пути в силу некоторых случайных обстоятельств. Со временем изменить траекторию достаточно трудно. Кроме того, само развитие в данном направлении может создавать некоторую иллюзию оптимальности, идеологически оформленную в «особый путь развития». Таким образом, предопределенность прошлым становится основным фактором развития и институциональной, и институционализирующей деятельности элит², могущей привести к институциональной дихотомии и институциональному неравновесию (см. об этом в разделе «Элиты и общественные изменения»).

Важной для институциональной деятельности элиты является согласованность ее членов. Эта проблема особо рассматривается исследователями элит. Классики элитологии подчеркивали, что элита внутренне однородна, едина и осознает себя как таковая³. Джеймс Майзель сформулировал это положение следующим образом: «three C's» – group consciousness, coherence, and conspiracy (in the sense of common intentions) – групповое сознание, согласованность, створ (заговорность) (в смысле общей устремленности) [34, р. 4; 35, гл. 1]. Глубинно это связано с существованием специфического для элиты смыслового подуниверсума [11, с. 139–140], придающего объективный смысл деятельности этой специфической группы, а также, одновременно, придающего этой группе внутреннее единство. С представлениями о необходимости согласования основополагающих принципов деятельности в политической и экономической сферах связана и концепция конституционного выбора Джеймса Бьюкенена, в которой консенсус при принятии решения – норма, а «остальные возможные

¹ См. об этом применительно к экономическому развитию [31, с. 51–52].

² Здесь вполне уместно будет привести слова Огюстена Жирара: «Намного легче понять процесс принятия политического решения через историю, чем через социально-экономические данные. Через историю и, в частности, через “ретроспективную социологию”, благодаря тому свету, который они бросают на генезис решений, мы способны идентифицировать типы политики, главные управленческие альтернативы и формы действия, которые в краткосрочном плане могут служить как модели для будущего» (цит. по: [32, с. 166]).

³ Весьма примечательны приводимые А. Коржаковым слова В. Ельцина: «Да, я понимаю, Грачев у меня голоса потянет назад. Но как его снять? Ведь мы с ним в одном доме живем...» [33, с. 384].

правила рассматриваются лишь как его варианты» [36, с. 129].

Вместе с тем, необходимо отметить, что часть исследователей рассматривает возможность существования типа элит, характеризующегося открытым конфликтом элитных фракций и рассогласованностью базовых интересов [см., напр.: 37; 38; 39; 40; подробно об этом: 41, с. 10–13].

Кроме того, можно даже сказать, что само существование элит как определенного исторически конкретного института связано с фундаментальными ограничениями. О такого рода ограничениях подробно сказано в разделе, посвященном проблеме институционализации элит.

Элиты и роли

Поскольку институт репрезентируется в ролях, то, с институциональной точки зрения, персонифицированная совокупность ролей и представляет собой элиту в ее «человеческом» измерении. Роли связаны с определенной закрепленностью и значимо коррелируют с формальными позициями. Другими словами, элита как институт актуализируется в деятельности персон, занимающих определенные позиции. Позиции связаны с различными функциями элиты. В этом отношении проблема идентификации элит в рамках институционального подхода скорее всего решается в пользу позиционной идентификации¹. Ч.Р. Миллс в данном случае вполне логичен.

Часть элитных позиций обладает символическим представительством того или иного института. Некоторые символические роли имеют стратегическое значение, поскольку обеспечивают целостность, интегративность иерархической реальности и ее восприятия (например, президент, премьер-министр и т.п.)². Сьюзан Келлер вообще рассматривает символическое значение элиты как одну из форм ее существования: «Стратегические элиты одновременно являются и коллективными агентами, и коллективными символами» [45, р. 154]. Здесь подчеркивается важная роль элиты – символическое интегрирование сообщества.

Символическая репрезентация институциональных порядков связана с символическим ресурсом, которым обладает и элита как целое, и каждый ее член. Вместе с тем, становящаяся, институционализирующаяся новая властная группа (элита) остро нуждается в символах старой власти, которые подчеркнули бы ее легитимность. Так, сотрудник А. Чубайса по Госкомимуществу А. Казаков вспоминал: «Много сил мы потратили на то, чтобы руководители КУТИ по должности были заместителями губернаторов и обладали некими атрибутами власти. У них в кабинетах были установлены аппараты ВЧ, которые до того, как правило, стояли только в первых приемных. Даже эта на первый взгляд формальная акция подняла престиж руководителей комитетов» [46, с. 197]³. В данном случае происходит важный процесс обретения символа власти, составляющий часть процесса институционализации.

¹ О проблеме идентификации элит см. [42, р. 105–118; 43; 44, ch. 4; 40, с. 68–72].

² Поэтому создание (введение) новых официальных политических должностей, связанных с той или иной ролью, может серьезно подорвать легитимность не только старых постов, но и всего социального порядка. Например, введение поста Президента СССР при сохранении должности Генерального секретаря ЦК КПСС.

³ На более высоком уровне своя символика: «Чемоданчик передали, и это означало, что полновластным хозяином в России стал Борис Николаевич Ельцин» [33, с. 131].

Институционализация элит (ы)

Процесс институционализации элит (ы) связан с необходимостью в новых условиях снижать уровень неопределенности, создавать заново предсказуемый мир. Причем это может быть связано как с *принципиальным* общественным переустройством, так и с возникновением новых общественных потребностей и становлением отношений, взаимодействий по их удовлетворению, а также появлением индивидов и групп, осуществляющих эти взаимодействия, что требует новой типизации взаимоотношений и создания нового «заднего плана рутинных действий» [11, с. 96]. Причем эти индивиды и группы могут выполнять и аналогичные прежним, но качественно иные действия.

Возникновение элит в Европе в результате буржуазных революций в этом отношении весьма показательно. Происходит диверсификация публичной власти, вытеснение из сферы гегемонии аристократии и замещение ее новыми общественными силами. Роберт Нисбет в связи с этим процессом говорит об «открытии элит», которое совершают английские и французские мыслители того времени [47, ch. 4]. Они отражают в своих произведениях новую ситуацию. Власть и различные властные функции становятся *принципиально* открытыми. Рождение, обычай и право не создают социально-групповых ограничений для вхождения во властные группы и влияния в политической сфере. Сословность управления упраздняется. На смену аристократии как властвующему слою феодализма приходит элита, связанная с буржуазным обществом. Этот новый слой может рекрутироваться и из аристократии, что частично уже осуществлялось¹, но теперь изменилась его качественная определенность. Происходит переформулирование задач властных групп. В любом случае мы имеем дело с иным распределением и осуществлением публичной власти (политический институциональный порядок) и иным распределением, размещением социальных позиций и общественных ресурсов (институт стратификации).

Отличие элиты от аристократии связано с принципиально иной стратификацией общества. Классовое общество приходит на смену сословно-корпоративному. Индивидуальные и групповые преимущества – привилегии, власть, престиж – в сословном обществе приобретаются при рождении и законодательно закрепляются. При этом между сословиями необходимо существует неравенство и неравноправие. Классовое общество, по словам Питера Бергера, *идеально* ориентировано на достиженческие механизмы получения тех или иных преимуществ [51], предоставляя формально равные возможности и права, и в этом смысле оно порождает принципиально иные институциональные порядки, связанные с распределением власти и ресурсов. Аристократия – часть дворянского сословия, элита – часть господствующего класса капиталистического общества².

¹ Об изменении бассейна рекрутирования европейских элит см., напр., [48, р. 173–190]. О проблеме реконверсии бывшей аристократии во Франции см. [49]. И. Уоллерстейн предлагает в данном случае несколько иной вариант судьбы аристократии: «Аристократия сама обратилась в буржуазию, дабы спасти свои коллективные привилегии» [50, с. 83]. Такое видение во многом аналогично подходу ряда авторов, описывающих процесс превращения советской номенклатуры в элиту.

² Как говорит Раймон Арон – «категория», что подчеркивает ее «субклассовость» и одновременно достаточно широкую социальную основу [52].

Элита в этом смысле *потенциально* открытая группа. Вместе с тем, меняется и сам характер деятельности властных структур, связанный с тенденцией к расширению властных функций буржуазного государства [53]. Этот процесс связан с кардинальными изменениями власти вследствие буржуазной революции: тотальность власти, ее централизация и рационализация [47, р. 109–111]. «Традиционный» взгляд был связан с весьма ограниченной компетенцией властных структур и групп. Так, Гегель писал: «Государство может вообще оставить вне сферы своего внимания всю систему налогообложения, не поступаясь при этом своим могуществом» [54, с. 80]. Современное же государство неизменно увеличивает свою мощь и сферу компетенции, особенно в сфере экономической, финансовой и фискальной. С этим процессом естественно связано усиливающееся переплетение интересов и сфер деятельности экономических и политических властных групп. Ч.Р. Миллс в связи с этим отмечает: «Прошло то время, когда с одной стороны существовала сфера экономики, а с другой – сфера политики, включавшая в себя военное ведомство, деятельность которого не влияла на политическую и деловую жизнь. Теперь существует пронизанная политикой экономика, связанная тысячами нитей с военными институтами и их решениями» [24, с. 29].

Надо отметить, что взаимопереплетение различных сфер социальной жизни в индустриальном обществе происходит на основе уже произошедшего на ранней стадии перехода от традиционности отделения политики от социальной и экономической сфер. Для постсоветского общества задачи общественного реструктурирования оказываются во многом схожими с добуржуазными социумами – необходимость разгосударствления и деполитизации общественной жизни и становления гражданского общества. Но имеются и существенные отличия, связанные с тем, что социалистическое общество уже не было традиционным, и в этом отношении взаимосвязанность сфер общественной жизни является структурно-функциональным свойством индустриального общества. Таким образом, требования диверсификации общественных секторов и властных структур сосуществуют одновременно с необходимостью их взаимопереплетения.

Рационализация властных отношений связана с их деперсонификацией. Для традиционного общества весьма характерны патрон-клиентские отношения. Элита институционализируется, когда властные группы деперсонифицируются¹.

Другой аспект революционной власти как нового типа публичной власти, о котором пишет Р. Нисбет, – ее массовая база. Для элиты чрезвычайно важно, что она может представить себя выразителем интересов всего народа, причем не в силу принципа субсидиарности – функциональной взаимодополнительности различных социальных групп в обществе, – а в силу связи с интересами народа, который через структуры гражданского и политического общества артикулирует свои интересы и доносит их до властных структур. Это связано с изменением принципа легитимности в индустриальном обществе. Механизмами связи между политической элитой и населением являются такие политические институты массовой политики, как массовые партии, всеобщие выборы и т.п.¹ Но потребность элиты представлять себя выразителем интересов насе-

¹ О проблеме клиентелизма, предполагающего прежде всего *личностные* отношения, см. [12].

ния является отражением потребности общества доносить свои нужды до властных структур. Именно поэтому элита легитимна.

Массовость политики и диверсификация власти в качестве одного из своих следствий имеет весьма примечательную тенденцию: «Первое воздействие либерального порядка на образование элиты находит свое выражение в возрастании элитарных групп» [20, с. 315]. Элита численно больше аристократии. Происходящие изменения в экономической сфере также являются определяющими для генезиса элиты. Г.Л. Филд и Дж. Хигли прямо указывают, что элиты возникают вместе с появлением промышленного общества и рабочего класса [38, ch. 2]. Таким образом, экономическая сфера также способствует увеличению состава элиты.

Можно говорить о трех тесно взаимосвязанных характеристиках современности: открытость общества, открытость власти и открытость политики. В этом смысле появление элит (ы), связанное с макросоциетальными изменениями – ответ на вызов времени, так как именно такой тип контроля и взаимодействий при осуществлении властных полномочий и распределения ресурсов соответствует новому индустриальному обществу. Институционализация элит (ы) в социетальном масштабе связана, с одной стороны, с необходимостью интегрировать общество в условиях его социального переструктурирования и резкого увеличения уровня радикальной социетальной неопределенности (непредсказуемости и неконтролируемости действий индивидов и групп). С другой стороны, институционализация связана с потребностью старых властных групп сохранить на новых началах свои иерархические позиции, а новых групп, – оказавшихся способными (или вытолкнутыми историческим развитием) занять позиции, связанные с контролем за распределением общественных ресурсов, – конвертировать их во властные полномочия.

Одновременно становятся, институционализируются не только элиты – происходит всеобщая (пере)институционализация. На первых порах данный процесс может сопровождаться рассогласованием норм и разрушением старого институционального порядка настолько, что может создаваться впечатление полного разрушения государства. Причем новая власть, не чувствуя достаточной легитимности и стремясь завоевать максимально большое число сторонников, идет на явное свое ослабление. П.И. Новгородцев, характеризуя Временное правительство после февраля 1917 г., писал, что оно «не хотело применять “старых насильственных приемов управления”, не хотело “насилия и принуждения”, говоря короче, не хотело неизбежных средств государства и права. <...> В этой системе свободы, которая признавалась здесь за норму государственного управления, идея государства, власти и права, в сущности, упразднялась. Революция отдавалась на произвол стихийных сил, для которого впоследствии было найдено украшающее наименование “правотворчества снизу”. В своем стремлении как можно менее походить на старую власть Временное правительство и вовсе перестало быть властью. Это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия» [55, с. 562]. Для таких периодов весьма характерен правовой нигилизм, см. [56, гл. VI; 57, гл. V; 58] и институциональная неустойчивость.

¹ О роли массовой политики и политических партий для появления элит и их научного анализа см. [42, ch. 1].

Важно иметь в виду, что сами элиты в процессе своего становления и развития одновременно являются активными агентами процесса новой институционализации, выступая в качестве институализирующих институтов. Как отмечают Р. Фридланд и А. Робертсон, «автономный рынок не “возникает”; он конструируется в процессе утверждения политической и государственной власти... Исторически мы не сможем понять функционирования и развития рынков без признания того, в какой степени они были сформированы фискальными интересами государства и формами легитимации государственной власти, которые, в свою очередь, находились под воздействием международной гонки вооружений» [цит. по: 59, с. 29, прим.]. И, безусловно, вновь сформировавшиеся институты в свою очередь воздействуют на элиты.

В этом отношении российская постперестроечная история показательна. Советская номенклатура, начиная институциональные изменения, превращается в элиту. Но это не сиюминутный процесс – вполне возможны рецессии. И об этом пишут многие исследователи, говоря о реноменклатуризации [60, с. 291; 61, с. 112; 62]. Еще в самом начале процесса трансформации в Восточной Европе о возможности такого процесса писал Яцек Василевский [63]. Процесс переинституционализации властных групп и структур сталкивается с вполне естественной «институциональной вязкостью»: старые институты тормозят трансформацию. И здесь вполне возможна определенная «институциональная маргинальность» и «институциональные химеры». Изменения, безусловно, происходят и произойдут, но на это необходимо время. Раз возникнув, те или иные институциональные изменения «тянут» за собой другие, они приводят к смене всего институционального порядка. Для таких глубоких изменений весьма показательно становление саморегулирующегося рынка. Карл Поланьи, описывая эту проблему, отмечал, что первоначально три весьма важных элемента рынка – земля, деньги и труд – существовали вне рыночных отношений, поскольку они не производились для продажи и их характеристика как товара была чистой фикцией¹. Постепенное распространение рыночных механизмов на эти элементы, их «маркетизация» способствовали становлению саморегулирующегося рынка. Кроме того, «элементы производства были обречены [курсив мой. – А.Д.] стать предметами купли – продажи» [64, с. 16]. Такая же обреченность характерна и для российской властной элиты.

Одним из индикаторов незавершенности институционализации постсоветских властных элит является незавершенность общественных и политических скандалов. Они в большинстве случаев ничем не заканчиваются. Разоблачения высокопоставленных лиц в нарушении норм (в том числе уголовных) не приводят к разбирательствам, наказанию, той или иной ответственности. С одной стороны, сами скандалы приоткрывают власть. Она становится видимой для публики. В борьбе друг с другом соперничающие фракции властных групп вынуждены апеллировать к общественности, а дискредитация противника возможна лишь тогда, когда существует некое общее представление о нормах поведения, которое разделяют разные социальные группы, и с мнением этих групп они вынуждены считаться. Осуществляется общественный контроль вла-

¹ С этим частично связано и неприятие идеи частной собственности на землю у значительной части населения России.

сти¹. Но, с другой стороны, незавершенность скандалов говорит о естественности происходящего для самих властных групп и для общественности. По большому счету, спроса с нарушителей нет. Происходит замалчивание, и сама его возможность свидетельствует о происходящей в определенной форме институционализации власти и властных групп. Как отмечал Реми Ленуар, «молчание подразумевает, что нет никаких вопросов, что никому даже в голову не приходит усомниться в установленном порядке вещей. В этом смысле фундамент власти – это то, что само собой разумеется» [66, с. 169]. А само собой разумеется внепубличное разрешение конфликтов.

Элиты и общественные изменения

Деятельность элиты в области общественных изменений может носить довольно радикальный характер. Но, как отмечает Дуглас Норт, «революционные изменения, однако, никогда не бывают такими революционными, как убеждает нас их риторика, и дело не только в том, что мощь идеологической риторики ослабевает при происходящем в мысленных моделях избирателей столкновении утопических идеалов с грубой послереволюционной реальностью. Формальные правила можно заменить за день, неформальные ограничения – нет. Несовместимость формальных правил и неформальных ограничений (что может быть результатом глубины культурного наследия, в рамках которого были выработаны традиционные способы разрешения основных проблем обмена) порождает трения, которые могут быть ослаблены путем перестройки всех ограничений в обоих направлениях, и тогда будет достигнуто новое равновесие, значительно менее революционное, чем риторика перемен» [67, с. 10]. Л. Гордон и Э. Клопов указывают на общую закономерность – приливно-отливный характер институционализации в эпоху всеобщих перемен [68, с. 25].

Стремление элит к изменениям связано с тем, что система ценностных ориентаций этого социального слоя, как отмечают исследователи, несколько отличается от той, которая присуща основной части населения. Это, в частности, большая поддержка гражданских свобод [см., напр.: 69; 70], ее большая толерантность [см., напр.: 71]. Американские социальные психологи обнаружили существенные различия в атрибутивных предпочтениях индивидов в зависимости от принадлежности их к разным статусным группам [72, с. 303–304]. Исследования в постсоциалистических странах обнаруживают разрыв между элитами и массами в сфере поддержки демократических ценностей: массы менее демократичны [73; 74; 75]. Как замечает А.С. Ахиезер, «элиты постоянно стремятся поднять массовое сознание до уровня своих ценностей» [21, с. 578], так как для них важен контекст их функционирования, связанный с социально-структурными институциональными характеристиками общества.

¹ И не только контроль, изменяется информационно-публичный контекст власти. Так, Б. Ельцин в своей книге «Записки президента» пишет: «...пожилые гэкачеписты просто не могли себе представить весь объем и глубину этой новой для них информационной реальности. Перед ними была совершенно другая страна. Вместо по-партийному тихого и незаметного путча вдруг получился абсолютно публичный поединок» [65, с. 83].

В рассматриваемом контексте важно отметить культурно-идеологический сегмент элит, который можно было бы назвать «безвластной элитой», но который обладает важным ресурсом, обеспечивающим легитимность изменений.

Алексис де Токвиль в книге «Старый порядок и революция» описывает принципиально важные изменения накануне Французской революции, свидетельствующие о фактическом изменении в структурах власти. Моновласть распадается, делегитимизируется, и возникает не санкционированная ни законом, ни традициями и никем не контролируемая борьба за власть в обществе. Токвиль пишет: «...литераторы, не обладавшие ни чинами, ни почетными привилегиями, ни богатством, ни ответственностью, ни властью, сделали фактически главными государственными людьми своего времени, и не только главными, но даже единственными, ибо если другие осуществляли правительственные функции, то авторитетом обладали они одни» [76, с. 140]. Но это одновременно и изменение самого общества, пока еще не могущего непосредственно проявлять себя практически, но заявляющего себя посредством «книжной политики», словесно: «Все политические страсти облеклись в философский наряд, политическая жизнь стала предметом ожесточенных прений в литературе, и писатели, приняв на себя руководство общественным мнением, заняли было такое место, которое в свободных странах занимают обыкновенно вожди партий» [Там же, с. 142]. Место аристократии в формировании общественного мнения занимает другая сила, дворянство теряет часть своего господства. Примечательно, что, как пишет Эдмунд Бёрк, эти «литературные политики (или политические литераторы)» заключают тесный союз с обладателями капитала [77, с. 98].

Интеллигенция в эпоху революций определяет и обосновывает перспективы, а также реконструирует коллективную память¹. Но слишком большое расхождение задаваемых новых норм и норм повседневности приводит к институциональным конфликтам («институциональная дихотомия»), а в дальнейшем может привести к делегитимации властных групп, стремящихся стать элитой. Это происходит, с одной стороны, снизу, когда публика не принимает и не понимает призывов интеллигенции. С другой стороны, утвердившиеся фракции властных групп начинают борьбу с забежавшими слишком далеко вперед бывшими соратниками.

Что касается групп, контролирующих властные позиции, то рассогласование формальных правил и неформальных норм повседневности вынуждает власти компенсировать его, повышая контроль и увеличивая идеологический аппарат. В отношении положения в Советском Союзе на это указывал В. Шляпентох. В организационном плане увеличивающийся контроль ведет к возрастанию количества чиновников [79, с. 24]. С описываемым явлением связано и так называемое «институциональное неравновесие», когда часть социальных акторов постоянно стремится изменить правила игры или использовать нормы, не согласованные с остальными игроками. В основном это проявляется в деятельности диссидентов и контрэлиты.

¹ «Любые перестройки, радикальные реформы и революции в России, по крайней мере, нынешнего столетия, были и остаются, по преимуществу, делом разночинной интеллигенции» [78, с. 136].

Элита и дискурс

С процессом «массовизации» политики, о котором говорилось выше, связано и изменение политического языка под влиянием интеллектуалов. Новый стиль, термины, обороты речи проникают во все слои общества [76, с. 147]. Языки элиты и не-элиты сближаются¹. Появляется современный политический текст, генетически и функционально связанный с рациональностью и умопостигаемостью социальных связей и общественных изменений; появлением парламентской системы, совмещающей в себе представительство народа и соревновательность дискуссий; возникновением современных средств массовой информации [81, с. 11]. Возникает публика и общественное мнение [66, с. 175–176; 81, с. 56–57].

Ролан Барт утверждал, что власть «гнездится в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия» [82, с. 547]. Власть проявляется в выстраивании иерархии, упорядочивании социального пространства и, тем самым, в осуществлении контроля. Соединение же дискурсных властных возможностей с социальными и политическими властными позициями ведет к усилению власти и служит важным институциональным и институционализирующим средством элит (ы). Посредством дискурса происходит навязывание ценностей, конструирование образа прошлого, настоящего и будущего.

Вместе с тем, остается отличие, позволяющее достаточно отчетливо различать дискурс элиты и не-элиты. Включенные или приобщенные к власти (внутривластные) дискурсы – *энкратические* – не обязательно **непосредственно** связаны с властью, и наоборот. «Фактически язык власти всегда оснащен структурами опосредования, перевода, преобразования, переворачивания с ног на голову» [83, с. 529]. Связующим звеном между властью и языком является докса – расхожее общее мнение, язык быта [83, с. 529; 84, с. 11]. А.Г. Алтунян отмечает: «Необходимость обращаться за поддержкой к разнообразной по своему составу аудитории приводит к тому, что в современных политических текстах мы практически не встречаем свежих, неизвестных самой широкой публике образов. Сильных и тривиальных образов при этом – сколько угодно. Объяснение этому в том, что политический текст должен быть полностью понят всеми членами предполагаемой аудитории, он должен полностью поддаваться расшифровке» [81, с. 19, прим. 6]. Здесь бытование в обычном, обыденном, профанном языке слова «элита» показательно. Оно прочитывается одинаково положительно большинством простых граждан и самой элитой. Словари и энциклопедии закрепляют и легитимируют позитивное употребление этого слова². Смысловые оттенки словоупотребления и раскодирования текста представителями разных социальных групп здесь не столь существенны. Энкратические дискурсы эндоксальны, т.е. существуют в рамках доксы и посредством доксы.

¹ Это же наблюдается и при переходе от авторитаризма к демократии [80, р. 23].

² Например, Ларусс приводит такие толкования к слову «элита»: «Элита, цвет (fleur). “Элита” относится к отборным, добротным качествам; цвет заставляет думать о блестящих качествах, о том, что приятно льстит сердцу или уму. Армейская элита – это лучшие части, способные завоевать победу; цвет армии – это офицеры или корпус, форма которых блестяща» [8, р. 364]. Словарь Ожегова: «Лучшие представители какой-н. части общества, группировки и т.п.» [85, с. 807].

Поэтому они всепроникающи, размыты, текучи, плохо структурированы. И, что весьма важно в рассматриваемом контексте, они принципиально связаны и гомогенны с языком массовой культуры, языком средств массовой информации. Поэтому дискурс элиты современного индустриального общества, несмотря на свою отдельность, должен и может быть понят не элитой. В этом его принципиальное отличие от языка аристократии традиционного общества, который должен быть непонятен простонародью (например, использование для внутригруппового общения иностранного или мертвого языка) в силу более значимой в традиционном обществе сигнификативной функции всех институтов. Для коммуникации используется обычный язык, до которого снисходят. Таким образом, эволюция дискурса элит (ы) подчеркивает одну важную характеристику современного общества – его тенденцию к демократизации. Дискурс российской элиты в этом отношении не исключение. Для современного русского литературного языка, особенно в последний период, характерно сближение «высокой» книжной речи и просторечья [86, с. 106]. Здесь проявляется важная институциональная функция энкратического дискурса – стабилизация социальных отношений и контроль.

Наряду с демократизацией дискурса властных групп может происходить его опрощение. Современный социолект российской элиты это ярко демонстрирует. Вместе с общенациональным политическим языком он отчетливо криминализируется («фенизируется») ¹. Описание взаимоотношений социальных групп и ситуации в целом включает значительное число жаргонных слов, например, «крыша», «разборка», «конкретный» человек и т.п. Весьма показательны здесь слова В. В. Путина в его выступлении перед журналистами в Астане 24 сентября 1999 г.: «Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем – и в сортире их замочим, в конце концов!» [88]. По всей видимости, это является индикатором состояния политической сферы и правового сознания политических субъектов. Одновременно такое изменение дискурса властных групп влияет на демаркационные и маркирующие функции политического языка, связанные с общественной стратификацией. Другими словами, мы можем распознать субъекта риторики по его месту в той или иной сфере деятельности или в политическом спектре, но у нас могут возникнуть затруднения в определении его места в социальной или политической иерархии, а также в его принадлежности к официальному, политически институционализированному или неофициальному, неформальному, криминальному миру. И сразу же встает вопрос о социальном статусе группы, дискурс которой здесь обсуждается и которую называют российской элитой.

Но существует также важный аспект инструментальности языка, его использования в качестве средства управления и манипуляции. В данном контексте весьма важным представляется следующее замечание Р.М. Блакара: «Использование ругательств, грубых или вульгарных выражений также является тонким лингвистическим средством для создания близости и контакта в противоположность отчужденности» [89, с. 115]. Понятно, что такая стратегия власт-

¹ Вульгаризация языка отмечалась также и в эпоху революций, см. [87, с. 14–15, 68–82; 86, с. 108–109].

ных групп становится возможной и необходимой в ситуации достаточно быстрого пересмотра обществом положения этих групп и их социальной дистанции (что подтверждает предположение о демократизации), а также в условиях неопределенности социальной структуры и размытости маркирующих функций языка. Вместе с тем, изменение средств коммуникации – «угасание» письменного слова и доминирование электронных СМИ в современном мире приводит к сужению словарного запаса выступающих по телевидению и публики [90, с. 218–219], происходит значительное изменение политической риторики властных групп и сближение ее с языком «улицы».

Одновременно язык элитных групп, будучи естественным средством коммуникации, отражает специфику социального агента. Так, например, исследование языка бизнеса и бизнесменов позволило Дануте Будняк сделать следующие выводы: «Субъективные элементы речи обнаруживают тесную семантическую и смысловую связь с субъектом речи. Эти элементы речи обнаруживают своеобразный эгоцентризм, указывая в той или иной мере на 1-е лицо субъекта речи» [91, с. 157]. Это весьма примечательное подтверждение повседневного наблюдения: «начальники» говорят, прежде всего, от себя и о себе. Таким образом выстраивается и усиливается социальная иерархия. Как точно отметил Пьер Бурдьё, «не все равны перед языком» [92, с. 121]. Это неравенство позволяет элите посредством дискурса задавать не только общественные нормы и регулировать общественные отношения, но и изменять язык [87, с. 23–27]. В этом смысле власть элиты гораздо больше ее формальной компетенции.

Заключение

Отвечая на вопрос, поставленный в самом начале статьи, можно предположить, что понятие «элита» в рамках предложенного культурно-институционального подхода описывает исторически определенную (наряду с аристократией и номенклатурой) форму существования властных групп, определяющих институциональные границы. Другими словами, элиты – это группы, осуществляющие, прежде всего, стабилизирующие функции в масштабах всего общества, а также его отдельных подсистем. И в рамках этой функции элиты полагают пределы существования других институтов и индивидов. В этом смысле они являются институционализирующими институтами. Существование элиты связано с буржуазным индустриальным обществом. Это означает, что они являются продуктом общественных отношений именно этого общества. В рассматриваемом контексте важны, прежде всего, три характеристики современного социума: открытость общества, открытость власти и открытость политики. Именно в связи с этими изменениями происходит институционализация элит.

Литература

1. Grand Larousse de la langue française en six volumes / Sous la direction de L. Guilbert, R. Lagane, G. Niobey, avec le concours de H. Bonnard, L. Casati, A. Lerond. T. 2. Paris: Librairie Larousse, 1972.

2. The Century Dictionary: An Encyclopedic Lexicon of the English Language / Prep. under the superintendence of W.D. Whitney, revised and enlarged under the superintendence of B.E. Smith. N. Y.: The Century Co., 1889.
3. The Oxford English Dictionary. 2nd ed. / Prep. by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. Vol. 5. Oxford: Clarendon Press, 1989.
4. A Dictionary of American English on Historical Principles / Compiled at The University of Chicago under the editorship of Sir W.A. Craigie and J.R. Hulbert. Vol. 2. Chicago: The University of Chicago Press, 1959.
5. Der Neue Brockhaus: Allbuch in fünf Bänden und einem Atlas. Dritte völlig neubearbeitete Aufl. 2. Bd. Wiesbaden: F.A. Brockhaus, 1965.
6. Bottomore T.B. Elites and Society. Harmondsworth: Penguin Books, 1976.
7. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.
8. Grand Dictionnaire Universel du XIXe siècle / Par Pierre Larousse. T. 7. Paris: Administration du Grand Dictionnaire Universel, 1865.
9. Langenscheidts Grosswörterbuch französisch. Teil 1. Französisch-Deutsch / Begründet von Karl Sachs und César Villatte. Vierte Bearbeitung von Karl Moser. Mit Nachtrag 1968. 45. Aufl. Berlin; München; Zürich: Langenscheid, 1971 (1-е изд. 1874).
10. Ницше Ф. Генеалогия морали: Pamфлет // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Избранные произведения. Кн. 2. Л.: Сирин, 1990. С. 3-147.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
12. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1997.
13. Дахин В.Н. К дискуссии о становлении региональных элит // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Моск. высш. школа соц. и эконом. наук; Интерцентр, 1997. С. 148-153.
14. Дука А.В. Трансформация местных элит: Институционализация общественных движений: От протеста к участию // Мир России. 1995. Т. 4. № 2. С. 106-117.
15. Чирикова А.Е. Лидеры российского предпринимательства: Менталитет, смыслы, ценности. М.: ИС РАН, 1997.
16. Ачкасова В.А. Политические лидеры и элита: Опыт региональной характеристики // Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты: Материалы международного симпозиума. Санкт-Петербург, 25-26 июня 1997 г. / Под общ. ред. С.А. Кутеля. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. С. 86-94.
17. Быстрова А.С., Даугавет А.В., Дука А.В., Корниенко А.В. Элита Санкт-Петербурга и Ленинградской области: Политические и экономические ориентации (Социологическое исследование). СПб., 1998.
18. Дискин И.Е. Россия: Социальная трансформация элиты и мотивация // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития: Международный симпозиум 17-19 декабря 1993 г. М.: Интерпракс, 1994. С. 114-125.
19. Melvin N.J. The Consolidation of a New Regional Elite: The Case of Omsk 1987-1995 // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. № 4. P. 619-650.
20. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 277-411.
21. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II: Теория и методология: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
22. Pakulski J., Waters M. The Death of Class. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1996.
23. Mills C.W., Gerth H. The Character and Social Structure. N.Y.: Harcourt, Brace & World Inc., 1953.
24. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.
25. Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. Ithaca; N.Y.: Cornell Univ. Press, 1962.

26. Дилигенский Г.Г. Политическая институционализация в России: Социально-культурные и психологические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 7. С. 5-12.
27. Здравомыслов А.Г. Проблема власти в современной социологии // *Проблемы теоретической социологии* / Под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994. С. 197-218.
28. Шмитт К. Понятие политического // *Вопросы социологии*. 1992. № 1. С. 37-67.
29. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
30. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
31. Нестеренко А. Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // *Вопросы экономики*. 1997. № 3. С. 42-57.
32. Ренни Р. История и ремесло политики // *Международный журнал социальных наук*. 1998. № 23. С. 155-171.
33. Коржаков А. Борис Ельцин: От рассвета до заката. М.: Интербук, 1997.
34. Meisel J. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the «Elite». Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1962.
35. Дай Т.Р., Зиглер Л. Х. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. М.: Юридическая лит., 1984.
36. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия: Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. М.: «Таурус Альфа», 1997. С. 31-206.
37. Higley J., Field G.L., Groholt K. Elite Structure and Ideology: A Theory with Applications to Norway. Oslo: Universitetsforlaget; N. Y.: Columbia University Press, 1976.
38. Field G.L., Higley J. Elitism. L.; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.
39. Burton M.G., Higley J. Elite Settlements // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52, № 3. P. 295-307.
40. Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes // *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe* / Ed. by J. Higley and R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1-37.
41. Региональные элиты России: Проблемы, подходы, гипотезы (программа исследования) / А.С. Быстрова, В.В. Горьковенко, А.Б. Даугавет, А.В. Дука (рук. авт. колл.), А.В. Корниенко. СПб.: СПбФИС РАН, 1999.
42. Parry G. Political Elites. L.: George Allen and Unwin Ltd, 1969.
43. Clark T.N. Community Power // *Annual Review of Sociology*. Vol.1 / Ed. by A.Inkeles. Palo Alto, 1975. P. 271-295.
44. Domhoff G.W. Who Really Rules? New Haven; New Brunswick, N. J.; L.: Transaction Books, 1978.
45. Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. N.Y.: Random House, 1968.
46. Казаков А. Битва за собственника // *Приватизация по-российски* / Под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 195-208.
47. Nisbet R. A. The Sociological Tradition. N.Y.: Basic Books, Inc., Publishers, 1966.
48. Putnam R. D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.
49. Сен Мартен М. де. Реконверсия и трансформация элит // *Socio-Logos*'96. М.: Socio-Logos, 1996. С. 94-114.
50. Уоллерстейн И. Общественное развитие или развитие мировой системы? // *Вопросы социологии*. 1992. № 1. С. 77-88.
51. Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М.: Изд. гр. «Прогресс»-«Универс», 1994.
52. Aron R. Social Structure and the Ruling Class // *British Journal of Sociology*. 1950. Vol. 1. № 1. P. 1-16, № 2. P. 126-143.
53. Дидерикс Г.А., Квиспель Г.К. Группы, общественные отношения и менталитет в Западной Европе с конца XVIII в. до нашего времени // *От аграрного общества к государству*

всеобщего благосостояния: Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. / Г.А. Дидерикс, И.Т. Линдبلاد и др. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1998. С. 340-415.

54. Гегель Г.Ф. Конституция Германии // Гегель Г. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 65-184.

55. Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 559-580.

56. Драма российского закона / Отв. ред. В.П. Казимирчук. М.: Юридическая книга, 1996.

57. Конституция и закон: Стабильность и динамизм / Отв. ред. В.П. Казимирчук. М.: Юридическая книга, 1996.

58. Горохов П.А. Социальная природа правового нигилизма. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. ун-та, 1998.

59. Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр полит. технологий, 1998.

60. Крыштановская О.В., Куколев И.В., Владычка В.А., Свищенкова Н.А. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С. 269-294.

61. Магомедов А. Политический ритуал и мифы региональных элит // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 108-114.

62. Podgorecki A. The Communist and Post-Communist Nomenclatura // The Polish Sociological Review. 1994. № 2. P. 111-123.

63. Wasilewski J. Dilemmas and Controversies Concerning Leadership Recruitment in Eastern Europe // Democracy and Civil Society in Eastern Europe: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990 / Ed. by P.G. Lewis. N.Y.: St.Martin's Press, Inc., 1992. P. 113-127.

64. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: Труд, земля и деньги // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 10-17.

65. Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Огонек, 1994.

66. Лемуар Р. Социальная власть публичных выступлений // Поэтика и политика: (Сб. статей): Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. СПб.: Алетейя, 1999. С. 167-192.

67. Норт Д. Институциональные изменения: Рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6-17.

68. Гордон Л., Клопов Э. Социальный контекст процессов политической институционализации // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 22-30.

69. Stouffer S. Communism, Conformity and Civil Liberties. New Brunswick: Transaction, 1992.

70. Stein A.J. The Consequences of the Nicaraguan Revolution for Political Tolerance: Explaining the Differences among the Mass Public, Catholic Priests and Secular Elites // Comparative Politics. 1998. Vol. 30. № 3. P. 335-353.

71. Sullivan J.L., Walsh P., Shamir M., Burnum D.G., Gibson J.L. Why Politicians Are More Tolerant: Selective Recruitment and Socialization among Political Elites in Britain, Israel, New Zealand and the United States // British Journal of Political Science. 1993. Vol. 23. Pt. 1. P. 51-76.

72. Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация: Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.

73. Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukraine // Public Opinion Quarterly. 1995. Vol. 59. № 1. P. 1-40.

74. Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies // British Journal of Political Science. 1997. Vol. 27, Pt. 2. P. 157-190.

75. Miller A.H., Reisinger W.M., Hesli V.L. Establishing Representation in Post-Soviet Societies: Change in Mass and Elite Attitudes toward Democracy and the Market, 1992-1995 // Electoral Studies. 1998. Vol. 17. № 3. P. 327-349.

76. Токвиль А. Старый порядок и революция. 5-е изд. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1911.

77. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: «Рудомино», 1993.
78. Радаев В.В. Революция разночинцев // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития: Международный симпозиум 17–19 декабря 1993 г. / Общ. ред. Т.И. Заславской и Л.А. Арутюнян. М.: Интерпракс, 1994. С. 136–140.
79. Олейник А. Издержки и перспективы реформ в России: Институциональный подход // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 1. С. 18–28.
80. Anderson R.D. Speech and Democracy in Russia: Responses to Political Texts in Three Russian Cities // The British Journal of Political Science. 1997. Vol. 27. Pt. 1. P. 23–45.
81. Алтунян А.Г. От Булгарина до Жириновского: Идеино-стилистический анализ политических текстов. М.: Росс. гос. гуманит. ун-т, 1999.
82. Барт Р. Лекция // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 545–569.
83. Барт Р. Разделение языков // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 519–540.
84. Бурдые П. Университетская докса и творчество: Против схоластических делений // Socio-Logos'96. М.: Socio-Logos, 1996. С. 8–31.
85. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд. М.: Русский яз., 1982.
86. Культура парламентской речи / Отв. ред. Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев. М.: Наука, 1994.
87. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М.: Работник просвещения, 1928.
88. Пересмешники // Профиль. 1999. № 37. С. 48.
89. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти: (Теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сб. ст. / Общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125.
90. Туроу Л. Будущее капитализма: Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 188–222.
91. Будняк Д. Признак соотношения экспликативного и имплекативного содержания речи в языке бизнеса // Studia Rossica Posnaniensia. 1998. Vol. 28. С. 153–157.
92. Бурдые П. Социология и демократия // Поэтика и политика: (Сб. статей): Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. СПб.: Алетейя, 1999. С. 119–124.